

На правах рукописи

Марфина Жанна Викторовна

**Константа Родство / Спорідненість
в русском и украинском языках:
лингвомифопоэтический подход**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Луганск – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»

**Официальные
оппоненты:**

Дмитриева Ольга Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка как
иностранного ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет»

Гасанова Марина Аюбовна,
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
университет»

Хараева Лариса Ханбиевна,
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры немецкой и романской филологии ФГБОУ
ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет»

Защита состоится «09» октября 2024 в 11.30 часов на заседании диссертационного совета 24.2.344.03 при ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» по адресу: 603155, Н. Новгород, ул. Минина, д. 31-а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» и на сайте университета <https://www.lunn.ru>.
Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ <https://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» <https://www.lunn.ru>.
Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

доктор филологических наук, профессор

Н.А. Голубева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной лингвистике проблема взаимодействия человека как носителя национально маркированной и одновременно индивидуальной ментальности с культурой и языком (как ее сущностной семиотической системой) приобрела особую актуальность. Это обусловлено, с одной стороны, социокультурными, экономическими, духовными процессами глобализации и, с другой, – стремлением выработать научную, философскую, идеологическую позицию по отношению к национальной и культурной идентичности и процессам (само)идентификации. Социокультурный запрос и научная необходимость выработать комплекс представлений о специфике и подобии национальных культур активизировали обращение лингвистов к вопросам структурированности национально-языковой картины мира, концептуализации и категоризации опыта взаимодействия мира и человека в ментальном поле носителей лингвокультуры – в первую очередь, через призму лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, И.А. Стернин, З.Д. Попова, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, Н.Ф. Алефиренко и др.).

Если когнитивная лингвистика нацелена на изучение ментальных процессов, доступ к которым лежит в сферах языковой, речевой и дискурсивной деятельности (Е.С. Кубрякова), то внимание лингвокультурологии сосредоточено на способах репрезентации в языке «сгустков культуры» (Ю.С. Степанов), на закономерностях воплощения в семантике языковых единиц ценностных ориентиров и смысловых категорий национальной и человеческой цивилизации¹ (Н.Ф. Алефиренко). В русле лингвокультурологической проблематики и выполнено настоящее исследование.

¹ Понятия «культура» и «цивилизация» здесь используются как синонимы.

В метаязыке отечественной лингвокультурологии для описания отношений между языком, ментальностью и культурой используются такие пересекающиеся, но не совпадающие в своем содержании термины, как лингвокультурный концепт (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, М.В. Пименова), код культуры (С.М. Толстая, Т.В. Цивьян, В.Н. Телия, В.В. Красных, М.Л. Ковшова и др.), лингвокультурема (В.В. Воробьев, Г.В. Токарев), культурно значимый концепт (В.Н. Телия), ключевой концепт культуры (В.А. Маслова), константа культуры (Ю.С. Степанов) и пр. Из этого ряда базовым термином, имеющим наибольшую сферу научного распространения и наиболее четкие понятийные границы, является термин (*лингвокультурный*) *концепт*. В работе под ним понимается «культурно окрашенный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций» (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», то, в виде чего «культура входит в человека» и сам человек «входит в культуру» (Ю.С. Степанов). В сопоставительном ракурсе изучением лингвокультурных концептов занимается лингвокультурная (сравнительная) концептология – «научная дисциплина, изучающая культурные концепты, опредмеченные в языке» и нацеленная на выявление «лингвоспецифических характеристик» национального менталитета (С.Г. Воркачев).

Значимым для исследования является выделение Ю.С. Степановым констант как особого вида лингвокультурных концептов (ЛК), для которого характерна временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования в национальной культуре и который маркирован значимостью для национального мира в плане его духовно-исторического бытования.

Актуальность настоящего исследования определяется как необходимостью теоретической и практической разработки проблематики лингвокультурологии в аспекте мифопоэтического содержания констант национальной лингвокультуры, так и обращением к социокультурно значимой проблеме «человека семейного» в ее воплощении в русской и украинской

лингвокультурах в форме константы Родство / Спорідненість – одной из наиболее значимых в концептосфере человеческой культуры в целом и восточнославянских лингвокультур в частности. На настоящий момент эта константа не получила полного и разностороннего описания как в том, что касается отдельно русской и украинской лингвокультур, так и в том, что касается их сопоставления.

Степень разработанности проблемы. При том, что константа Родство во всем комплексе вопросов ее формирования, структурирования, вербализации в языке и реализации в различных дискурсах не была системно изучена, номинации родства (далее – НР), вербализующие константу Родство / Спорідненість, традиционно находятся в центре внимания отечественной и зарубежной лингвистики. Они являются объектом изучения с позиций истории языка и этимологии (П.А. Лавровский, Ф.П. Филин, А.А. Бурячок, О.Н. Трубачев, В.А. Козырев, В.М. Русановский, Б.А. Ларин, В.Н. Топоров, В.В. Нимчук, Г.В. Дзибель и др.), семасиологии (А.А. Уфимцева, А.А. Тараненко, Л.А. Лисиченко, О.Ю. Николенко, Н.Н. Трошина, С.А. Кидямкина и др.), лингвофольклористики (С.Я. Ермоленко, Н.И. Мазай, Н.Г. Барышникова, В.Ф. Стенина, М.Ю. Езаова, Н.А. Данилюк), стилистики (С.Х. Головкина, И.Ю. Белякова, О.А. Бондаревская, О.А. Фещенко, Т.В. Пьянкова, Н.Н. Рухленко, Е.М. Черникова, Л.М. Романюк, А.В. Чернова, Ж.В. Марфина и др.), этнолингвистики (С.М. Толстая, В.В. Жайворонок, Д.И. Добрусинец и др.). Изучались НР и в рамках сравнительного языкознания: известны работы, выполненные на материале русско-, украинско- и белорусскоязычных текстов (О.Н. Жизневская, В.И. Ярмук), на материале неблизкородственных языков (М.А. Гасанова, Л.Х. Хараева, А.С. Головин, Е.А. Кострубина, З.Г. Коцюба, С.М. Адамова, А.А. Ким, Р. Ани, Р.Д. Шамилева, Т.А. Шайхуллин, М. Николич, Н.Ю. Микитенко, Е.В. Ли, Х.Х. Эгамназаров, Л.А. Гаджиева, С.М. Трофимова, Ж.Б. Жалсанова и мн. др.).

В аспекте лингвокультурологии изучены концепты Родители, Семья, Отец, Мать, Бабушка, Дети, Брат, Сестра, Муж (А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов,

Н.В. Уфимцева, Н.Ф. Алефиренко, Ф.И. Артыкбаева). Как репрезентант макроконцептов Семья и Женщина проанализирован концепт Мать (В.Н. Телия, Г. Вальтер, Ю.А. Абрамова, А.Д. Алиева, А.Г. Евенчук, Я.И. Калинина, А.В. Кирилина, И.С. Страшнюк и др.). В ракурсе соотношений ЛК Е.А. Глотова описала концепт Семья; на материале толковых словарей русского языка З.Б. Богословская делает заключение о семантических изменениях концепта Семья в диахронии.

В работах В.И. Кононенко, В.В. Жайворонка, Ю.С. Макарец, О.М. Слипчук рассмотрены отдельные составляющие константы Спорідненість (укр. рід, родина, сім'я, мати) в контексте формирования украинской языковой картины мира. Изучено функционирование концепта Семья в художественном дискурсе (Х.В. Старовойтова, В.Б. Яковлева и др.), описано ассоциативное поле этого и подобных концептов в русском, немецком, польском, украинском и других языках (Л.В. Адонина, Т.В. Бисовецкая, В.Б. Марчук и др.). Установлено, что наиболее полное воплощение макроконцепт Род / Семья находит во фразеопаремнологическом составе языка (С.А. Кошарная, В.В. Калько, К.Н. Николайчук, О.Н. Жизневская, Г.Г. Кульсарина).

Вместе с тем единственным основательным исследованием, сфокусированном на изучении константы Родство, является диссертация А.С. Головина «Лингвокультурный концепт “Родство” в английских, немецких и русских паремиях», выполненная в русле сравнительной концептологии.

Открытыми остаются следующие вопросы в отношении константы Родство / Спорідненість: особенности содержания (структуры и семантики) константы в динамике ее формирования и развития; механизмы воплощения ее мифопоэтической составляющей в формах вербализации константы на разных этапах ее существования в сопоставляемых национальных культурах; содержание и развитие ее ассоциативно-образной составляющей, формирующей периферию содержания константы и воплощенной в народно-разговорном, народно-песенном и художественном дискурсах; расхождение в содержании константы Родство / Спорідненість в русской и украинской

лингвокультурах, культурно-исторических причин и динамика этого расхождения.

В связи с выявленными лакунами в научных представлениях о константе Родство / Спорідненість **целью** исследования определено комплексное сравнительно-концептуальное описание содержания константы Родство / Спорідненість с учетом стержневой роли ее мифопоэтической составляющей и в соотнесенности путей становления русского и украинского национальных языков во фразеопаремийном, народно-песенном и художественном пространствах их функционирования.

Для достижения цели предусматривается выполнение следующих **задач**:

1) разработка методологии исследования константы Родство / Спорідненість на основе интеграции лингвокультурологического (с вычленением сравнительно-концептологического), лингвоконцептологического и мифопоэтического подходов к изучению текстов, дискурсов, семиотических рядов культуры;

2) создание специального подхода к анализу концептов-констант, адекватного их сущностным признакам и особенностям их структуры; определение в качестве такового лингвомифопоэтического подхода;

3) разработка и апробация методики концептуальных цепочек в качестве базового приема моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования национальных лингвокультур;

4) описание места константы Родство / Спорідненість в структуре национальной языковой картины мира;

5) аналитический обзор осуществленных исследований в отношении функций и семантики НР в русском и украинском языках;

6) апробация лингвомифопоэтического подхода к анализу концепта-константы в отношении образно-смыслового содержания мифопоэтического ядра константы Родство / Спорідненість в аспектах номинативного поля константы, ее семантического ядра (по лексикографическим данным);

7) сопоставительный анализ фразеопаремийных контекстов с доминантными названиями кровного родства и свойства в русском и украинском языках с применением авторской методики концептуальных цепочек;

8) сопоставительный анализ народно-песенных текстов, содержащих доминантные названия кровного родства и свойства, в русском и украинском языках с применением авторской методики концептуальных цепочек;

9) выявление ценностно-образной и информационно-смысловой специфики функционирования константы Родство в художественном творчестве А.С. Пушкина – в текстах, которые лежат в основе современного русского литературного языка и русской национальной культуры;

10) выявление ценностно-образной и информационно-смысловой специфики функционирования константы Спорідненість в художественном творчестве Т.Г. Шевченко – в текстах, которые лежат в основе современного украинского литературного языка и украинской национальной культуры;

11) выявление и описание особенностей функционирования константы Родство / Спорідненість в анализируемых пространствах сопоставляемых лингвокультур;

12) определение роли мифопоэтического ядра («стержня») в развитии содержания константы в разных пространствах двух лингвокультур;

13) характеристика соотнесенности констант Родство – Спорідненість в параметрах общих и индивидуальных признаков;

14) комплексное описание информационно-смыслового и ценностно-образного содержания константы Родство / Спорідненість в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования двух национальных лингвокультур; определение роли художественных текстов общенационального значения в развитии структуры константы.

Объектом исследования является константа Родство / Спорідненість в различных способах ее вербализации в русском и украинском языках.

Предмет исследования – структура и семантика константы Родство / Спорідненість в русском и украинском языках на разных этапах их становления как национальных литературных языков, включая механизмы вхождения мифопоэтических структур в ее содержание, актуализованное в различных фольклорных дискурсах и в ключевых текстах художественной литературы.

Гипотеза исследования. В константах мифопоэтическая составляющая играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу его развития; при этом понятие «мифопоэтическая составляющая» подразумевает не только отсылку к мифу во внутренней форме (мифопоэтическом (образно-смысловом) ядре) константы, но преимущественное ее развитие через фольклорное и художественное освоение ее мифопоэтического потенциала.

В работе утверждается и доказывается, что концепт-константа в качестве образно-смыслового ядра и центрального элемента своей структуры имеет мифопоэтическое ядро, то есть имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжету, а также возможное их ассоциирование с мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом.

В отношении константы Родство / Спорідненість эта гипотеза может быть конкретизирована: указанная константа преимущественно развивается в фольклорном и художественном пространствах, осваивающих образно-смысловой потенциал ее мифопоэтического ядра, которое определяется этимологией слова «род» и целым рядом связанных с ней мифологических представлений о взаимодействии и единении мужского и женского начал в человеческой и природной жизни.

Методологическую основу исследования составили лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы к изучению языка, а

также приемы и идеи литературоведческой мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики. В отношении лингвокультурологии основополагающими для настоящего исследования стали разработки в области сравнительной лингвоконцептологии, включая теоретические положения о природе, признаках и структуре концептов, а также предлагаемые учеными варианты методики концептуального анализа. Значимыми для настоящего исследования являются идеи лингвокогнитивистики относительно когнитивных механизмов и структур и той роли, которую в деятельности человеческого сознания играет язык и культура (Г.Г. Слышкин, Е.С. Кубрякова, С.А. Жаботинская); за образец при интеграции основ лингвокогнитивистики и лингвокультурологии были взяты работы И.В. Кононовой.

Методика исследования включает приемы лингвокогнитивной интерпретации (описание когнитивных структур через анализ языковых средств их объективации); полевой стратификации; компонентного анализа; дискурсивного анализа художественных произведений. Также использованы такие лингвокогнитивные методы как метод субъективных дефиниций; метод описания чувственного образа (на материале народно-песенной культуры); метод письменной рефлексии и оценочной дифференциации. В исследовании предлагается авторская методика моделирования семантической структуры высказывания, состоящая в конструировании концептуальных цепочек, отражающих модели семантизации НР в русском и украинском языках.

При выработке лингвомифопоэтического подхода к анализу концептов-констант, при утверждении лингвокультурной мифопоэтики как подхода, адекватного природе и структуре концепта-константы, учитывались идеи и принципы работы с текстами, выработанные в рамках литературоведческой мифопоэтики. С другой стороны, в этом аспекте для исследования был значимым тезис В.А. Масловой о том, что лингвокультурологическая поэтика изучает «способы формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект», «репрезентацию культурных знаний в поэтическом тексте».

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных ученых в области лингвокультурологии (В.И. Карасик, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.М. Шаклеин, В.А. Маслова, А.Д. Шмелев, Н.И. Толстой, С.Г. Воркачев, И.А. Стернин, О.А. Дмитриева, Ю.Е. Прохоров и др.), лингвокультурной (сравнительной) концептологии (Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, И.В. Кононова и др.); лингвокультурологической поэтики (В.А. Маслова, О.В. Данич, Н.В. Крицкой), а также теории мифа (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, С.С. Аверинцев, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров, А.Ф. Лосев и др.).

Материалом исследования являются тексты народно-разговорного (фразеопаремийного), народно-песенного и словесно-художественного дискурсов русского и украинского языков, выбранные из многочисленных фразеологических словарей, сборников пословиц и поговорок, академических сборников народных песен, собраний сочинений А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко, словарей языков и образных средств анализируемых писателей, а также из ряда лингвистических словарей как дополнительных источников исследовательского материала.

Новизна исследования заключается в том, что впервые:

- была выдвинута и подтверждена гипотеза о масштабности существования концептов-констант в культуре, а также об их сущностном отличии от остальных видов ЛК, определяющемся их мифопоэтической составляющей;

- был разработан особый подход к изучению концептов-констант – лингвокультурная мифопоэтика (лингвомифопоэтический подход), – объединяющий методологию сравнительной лингвоконцептологии с методиками лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики;

- была создана лингвокультурная мифопоэтическая методика сравнительного анализа константы, а также предложено использование приема концептуальных цепочек в качестве базового способа моделирования

когнитивно-ментальных текстовых структур в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования лингвокультур;

- были определены основные признаки, формирующие семантическое ядро константы Родство / Спорідненість (совокупность значений 'родство по крови', 'родство по браку' и 'родство по духу');

- было доказано, что:

1) в константах мифопоэтическая составляющая играет роль образно-смыслового стержня, обеспечивающего единство всех его слоев и задающего перспективу его развития;

2) образно-смысловое (мифопоэтическое) ядро константы Родство / Спорідненість, связанное с мифопоэтическими представлениями о боге Роде, ряде женских божеств и Мировом древе, в образно-чувственной форме содержит семантику единства (рода, мира, народа) и раздельности (царств земного и небесного, царства мертвых); взаимосвязи синхронической и диахронической (мира и человека, предков и потомков); взаимодействия мужского и женского начал как творящего и питающего (поддерживающего);

3) русский и украинский фразеопаремийные и народно-песенные фонды характеризуются незначительными отличиями и в целом симметричностью в актуализации содержания константы Родство / Спорідненість, обнаруживающим соотнесенность одновременно с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе и с разработкой мифопоэтического потенциала концепта;

4) семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании составляют значения 'жизнь', 'порядок', 'согласие', 'общность, единство', 'благополучие', 'защита', 'воспитание', 'дом'; в периферийную зону входят значения '(генетическая) наследственность', '(психологическое и физиологическое) сходство', 'опора', '(Божья) правда / воля', 'сочувствие', 'доброта', 'любовь', 'забота', 'уважение', '(родовая) судьба', '(родовая) ответственность', 'труд', 'ум, разум' и пр.;

5) с информационным компонентом содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании тесно связан положительный оценочный компонент и при этом в ней содержатся информационно-оценочные значения негативного характера, указывающие на возможность развития неблагоприятных сценариев в отношении рода, родственников, родственных связей: 'смерть' (родителей), 'корыстолюбие', 'зависть', 'обособленность', 'враждебность', 'безответственность', 'глупость', 'брань', 'битье', 'пьянство';

б) варианты содержания анализируемой константы различаются в зависимости от вида (функции) народной песни: лирической, календарно-обрядовой, семейно-обрядовой, социально маркированной; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является акцентирование семейных (а не родовых) отношений;

7) семантическим центром в структуре константы Родство / Спорідненість в народно-лирическом и в обрядово-песенном вариантах ее бытования является семантика, включающая в себя такие оценочно маркированные значения, как 'семья', 'любовь', 'свой, родной', 'жизнь'. К периферийному содержанию константы в этих песенных пространствах относятся семантические компоненты: (для народно-лирических текстов) 'счастье', 'радость', 'судьба', 'чужой', 'чужбина', 'страх', 'печаль', 'страдание', 'боль', 'долг'; (для обрядово-песенного пространства) 'благословлять', 'дом', 'сад', 'радость', 'женитьба / замужество', 'порядок', 'уважение', 'печаль (тоска)';

8) в семейно-обрядовых песнях моделируется особая структура константы Родство / Спорідненість с акцентом на оппозиции 'своя, родная (семья) – новая, чужая (семья)': в ее семантическом центре – значения 'послушание', 'уважение', 'родной' ('неродной'), 'род-племя', 'дом'; на периферии – 'поддержка', 'радость', 'печаль', 'слезы', 'труд', 'верная (жена)';

9) в центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість в социально маркированной народной песне находится комплекс значений, восходящих к ощущению оторванности от семьи, одиночества: 'дом',

‘отец-мать’, ‘одинокий’, ‘без / вне семьи’, ‘без / вне помощи’, ‘чужая (сторона)’, ‘плохая доля’, ‘неволя’, ‘прощанье – встреча’. Отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена в периферийных значениях, хотя их оценочный компонент не однозначно негативен: ‘слезы’, ‘тоска’, ‘печаль’, ‘сила’, ‘помощь’, ‘жизнь’, ‘смерть’;

10) во всех видах народной песни мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість приобретает эстетические функции: через механизмы психологического параллелизма, метафоризации, олицетворения (фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий) он усиливает оценочность, образность, экспрессивность фольклорно-песенного языка;

11) характерный для казацких народных песен образ-символ матери (в значении оберега, защитных сил семьи, рода) воплощается в ассоциативно-образной связи мать=Украина;

12) между бытованием константы Родство в творчестве А.С. Пушкина и бытованием константы Спорідненість в творчестве Т.Г. Шевченко существуют как некоторые сходства, так и существенные отличия, мотивирующие концептуализацию отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время;

13) у Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений и взаимодействия между мужским и женским началами, тогда как Шевченко в центр и начало мироздания ставит сакральную фигуру матери;

14) у Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства, связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения, тогда как у Шевченко в структуре константы Спорідненість центральное место отведено сочетанию семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении научных представлений о признаках, структуре и механизмах развития концепта-константы в национальной культуре; в определении, данном константе и ее мифопоэтической составляющей; в установлении и обосновании принципов интеграции методов и теоретических положений лингвокультурологии, лингвокогнитивистики, мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики для описания содержания и функционирования концепта-константы; в разработке подхода к анализу константы, адекватного ее сущности и структурным особенностям; в предложенной лингвомифопоэтической методике анализа константы и приеме моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур; в характеристике содержания семантического и мифопоэтического (образно-смыслового) ядра константы Родство / Спорідненість в русской и украинской лингвокультурах; в доказательстве симметричности семантического наполнения русского и украинского фразеопаремийных и народно-песенных фондов, а также в определении функционала, в котором соотношенность фольклорных дискурсов с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни сочетается с разработкой мифопоэтического потенциала, содержащегося в образно-смысловом (мифопоэтическом) ядре константы; в определении существенных расхождений в актуализации семантики функционирования константы Родство / Спорідненість в художественных текстах А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко как значимых для формирования современных литературных языков.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в качестве основы для сравнительных исследований в области лингвокультурологии и культурологии, лингвоконцептологии, социолингвистики, лингвостилистики, лингвоаксиологии, семасиологии, ономасиологии, а также в теоретической и практической лексикографии, в литературоведении, философии культуры, социологии, истории. Результаты работы представляют очевидную ценность с точки зрения перспектив развития лингвокультурологии – в частности, для уточнения научных представлений о

функциональной текстовой семантике НР в близкородственных языках, а также об акционально-ситуативной, образно-смысловой (мифопоэтической), ценностной и информационной компонентах их содержания.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования константы, а также ее сущностное отличие от остальных видов ЛК определяется содержащейся в ней мифопоэтической составляющей, то есть 1) памятью об архаическом мифе, работающей во всех формах его бытования, 2) мифопоэтическим образом, лежащим в основе (смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) константы и задающим векторы ее развития.

2. Константа характеризуется особым признаком – интенсивностью реализации в фольклорных и литературных текстах (как восприимчивых к ее мифопоэтическому ядру), а также структурной спецификой, состоящей в том, что 1) константа в качестве исходного элемента своей структуры имеет не чувственно-образное, но мифопоэтическое ядро; 2) периферийное поле константы состоит из актуальных ценностно-образных ассоциаций и понятийного наполнения, а также исторических ценностно-образных ассоциаций и понятийных элементов, значимых для определенной эпохи.

3. Адекватным сущности, признакам и структуре константы с т. зр. возможностей их изучения является разработанный и апробированный в работе лингвомифопоэтический подход к изучению языкового, текстового, семиотического материала в аспекте их соотносительности друг с другом как форм выражения концепта-константы и сочетающий принципы и методологию сравнительной лингвоконцептологии с идеями и приемами мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики.

4. Ключевой номинацией константы Родство / Спорідненість выступает слово родство / спорідненість как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее

его и множество других номинаций слово род / рід является внутренней формой константы.

5. Существенными признаками семантического ядра константы Родство / Спорідненість являются: а) совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’, б) мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’, в) ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку.

6. Мифопоэтическое ядро константы восходит к мифопоэтическим представлениям о боге Роде, ряде женских божеств и Мировом древе и в образно-чувственной форме содержит семантику единства (рода, мира, народа) и отдельности (царств земного и небесного, царства мертвых); взаимосвязи синхронической и диахронической (мира и человека, предков и потомков); взаимодействия мужского и женского начал как творящего и питающего (поддерживающего); (с)охранения (сакральной родовой энергии); значимости и преодолимости границ (между царствами).

7. Русская и украинская концептуализация отношений родства в фольклорной лингвокультуре обнаруживает симметричность общего содержания и функций, расходясь при этом в незначительных деталях понятийной, образной или ценностной структуры. В то же время существенной для дальнейшего развития константы является специфика ее актуализации в казацких песнях, определяемая значимостью ассоциативно-образной связи мать = Украина, в которой представлено характерное для народной культуры представление о святом материнстве родной земли.

8. Более близкой к образно-смысловому содержанию мифопоэтического ядра является реализация константы во фразеологизмах и поговорках (нежели в народных песнях). Семантический центр ее содержания составляют значения ‘жизнь’, ‘порядок’, ‘согласие’, ‘общность, единство’, ‘благополучие’, ‘защита’, ‘воспитание’, ‘дом’.

9. В народно-песенном пространстве языка развивается эстетизация мифопоэтических средств; структура и содержание константы Родство / Спорідненість приобретает выраженную специфику, ориентированную на ценность любви и семьи и варьируется в зависимости от песенного жанра. Семантическим центром в структуре константы в народно-лирическом и обрядово-песенном вариантах становится взаимоподобный комплекс оценочно маркированными значений ('семья', 'любовь', 'свой, родной', 'жизнь').

10. В отличие от фольклорной концептуализации родственных отношений, структура и содержание константы Родство / Спорідненість в художественном пространстве русского и украинского языков (в творчестве А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко как создателей их литературных форм) обнаруживает существенные различия. К ним следует возводить расхождение в концептуализации отношений родства в лингвокультурах в поздние периоды.

11. Варианты концептуализации отношений родства в творчестве поэтов объединяют следующие признаки: многоаспектная значимость фольклорной традиции; активность употребления основных НР в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией; актуальность переносных, метафорических употреблений НР – в том числе по отношению к своему поэтическому слову, к творческому акту.

12. Наиболее значимые различия в бытовании константы Родство / Спорідненість в художественной речи Пушкина и Шевченко касаются: 1) взаимодействия с мифопоэтической и библейско-христианской парадигмой иерархических отношений между мужским и женским началами. У Пушкина она сохраняется, тогда как Шевченко в центр и начало мироздания помещает сакральную фигуру матери; 2) структуры константы: у Пушкина центральное место в ней занимает сочетание семантики духовного родства и семантики рода, тогда как у Шевченко – сочетание семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком.

13. Спроецированная на социокультурный мир, семантика жертвенной любви и священной связи между матерью и ребенком, занимающая

центральное место в структуре константы у Шевченко, предельно сакрализует и образ страдающей матери-Украины, и отношения между ней и народом. Поэт усиливает вектор развития содержания константы, обозначившийся в казацких песнях, закрепляет за образом Украины статус высочайшей ценности и соединяет этот образ со сценарным мотивом жертвы и жертвования.

14. Фольклорное и художественное бытование константы Родство / Спорідненість расширяет комплекс семантических признаков, выделяемых в семантическом ядре константы на основе лексикографических источников. В каждом из выделенных пространств бытования национального языка константа приобретает своеобразные очертания и в границах семантического центра, и в облаке периферийных значений. При этом семантика, а отчасти и образно-смысловые (ценностные, нарративные) структуры мифопоэтического ядра сохраняются (при возможности трансформации) в виде стержневых во всех исследованных вариантах единого концепта-константы.

Апробация и внедрение результатов исследования

Основные положения результаты и диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», а также были представлены на международных конференциях: «Актуальные вопросы современных гуманитарных наук» (2016, Екатеринбург), «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах» (2016, Кострома), III Фирсовские чтения. «Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы» (2017, Москва), «Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков» (2017, Липецк), «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (2017, Владимир), «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (2018, Витебск), «Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур» (2018, Симферополь), Фортунатовские чтения в Карелии (2018, Петрозаводск), «Актуальные проблемы и перспективы русистики» (2018,

Барселона), «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке» (2018, Тула), «Русистика в XXI веке: тенденции и направления» (2019, Ереван), «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (2019, Витебск), «Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)» (2020, Кострома); «XV Машеровские чтения» (2021, Витебск); «Далевский код современной культуры» (2021, Луганск); на научно-практических мероприятиях разного формата: на семинарах «Тарас Шевченко и его петербургское окружение» (2014, Санкт-Петербург), «Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты» (2018, Луганск), «Дискурс современного социально-гуманитарного знания и образования» (2019, Луганск); II всероссийской научной конференции «Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XX вв.)» (2024, Нижний Новгород); VII всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, приуроченной к 150-летию Д.Н. Ушакова и Году педагога и наставника «Славистика: новые имена в науке» (2024, Горловка); Всероссийской научно-практической конференции «Дискурсология: язык, культура, общество» (2024, Луганск).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и трех приложений. Библиография включает 494 наименования, в том числе на иностранных языках. Общий объем диссертации составляет 475 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** сформулированы объект и предмет, цель, задачи, исследования; обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; сформулированы положения, выносимые на защиту; описана структура диссертации; приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе «Теоретические и методологические основы лингвокультурной мифопоэтики» рассматриваются отношения между лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой, уточняются возможности синтеза их методов и приемов для осуществления лингвоконцептуального анализа; вычленяются константы как вид ЛК, обосновывается масштабность их существования в связи с мифопоэтической ее составляющей; дается определение терминам *константа*, *мифопоэтическая составляющая*, *мифопоэтическое ядро*; разрабатывается лингвомифопоэтический подход к изучению константы на основе синтеза методологии и приемов лингвоконцептологии, лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики; предлагается лингвомифопоэтическая методика анализа константы; дается аналитический обзор исследования НР и концептов, которые они вербализуют.

Особым признаком концепта-константы предлагается считать интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, а также в других художественных текстах национальной культуры; следствием и необходимым сопровождающим эффектом этой реализации является художественное осмысление и переосмысление исходного мифологического образа, а также существенное приращение смысловой структуры константы при неизменности ценностной ее составляющей. Свою специфику имеет и структура константы как вида лингвокультурных концептов, а именно:

1. Концепт-константа в качестве основополагающего, исходного элемента структуры имеет не чувственно-образное, но мифопоэтическое ядро – имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжета, а также возможное их ассоциирование с мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом.

2. Периферийное поле константы можно представить, объединяя модели Ю.С. Степанова и В.И. Карасика, в целостности диахронически-

синхронического существования как структуру, состоящую из актуальных ассоциаций и актуального понятийного наполнения, а также исторических ассоциаций и понятийных элементов, имевших значение в определенную эпоху.

3. Предположительно, периферийная зона константы развивается в направлениях от мифа к логосу и обратно, проходя на этом пути процессы освоения мифопоэтических структур (метафоризация, символизация, рационализация и, возможно, ремифологизация).

4. Ведущую роль в развитии структуры константы играют фольклорные и классические литературные тексты (в данном случае А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко), поскольку они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать в концептосфере и транслировать в пространство национальной культуры. Лингвомифопоэтический подход (или лингвокультурная мифопоэтика), таким образом, является подходом к анализу констант, адекватным сущности и структуре концептов-констант, а также их месту в общей типологии.

Разработанная лингвокультурная мифопоэтическая методика компаративного анализа концепта-константы включает в себя следующие шаги:

1. Построение номинативного поля константы (в компаративном аспекте), описание семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта: семный анализ лексикографических источников, дистрибутивный анализ сочетаемости доминантного слова; определение содержания понятийного ядра концепта.

2. Исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа (доминантных слов), описание мифопоэтического ядра константы.

3. Компаративное описание особенностей реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах, одновременно формирующих

ближайший ко внутренней форме концепта исторический слой и актуальную современную национальную картину мира.

4. Компаративное описание особенностей реализации константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и национальной картины мира и связанных с внутренней формой константы, ее мифологическим содержанием.

5. Обобщение данных о содержании констант в национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Компаративный анализ народно-песенного и народно-разговорного дискурсов, а также компаративное описание мифопоэтической составляющей литературных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, на четвертом и пятом шагах методики предусматривают не только совмещение приемов концептуального и мифопоэтического анализа, но и моделирование когнитивно-ментальных текстовых структур константы с помощью концептуальных цепочек. Такое моделирование дает представление не только о синтагматике, парадигматике и семантическом развитии константы, но и о ее лингвокогнитивной вариантности, связанной с дискурсивным многообразием коммуникации.

Во второй главе «Константа Родство / Спорідненість: от внутренней формы к фразеопаремийному содержанию» описывается номинативное поле константы Родство / Спорідненість, выделяются наиболее существенные признаки ее семантического ядра, исследуется этимологическое значение, «внутренняя форма» доминантного слова-мифа; определяется содержание мифопоэтического ядра константы; изучаются формы ее вербализации во фразеологизмах и паремиях с доминантными названиями кровного родства (на украинском и русском материале); определяется семантическое, ценностное, образное наполнение этого варианта константы, с выделением центральной и периферийной зоны, включая мифопоэтическую образность, в ее содержании; отмечаются случаи несущественного расхождения в актуализации

фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах.

Отмечено, что основной особенностью номинативного поля константы Родство / Спорідненість является его чрезвычайная разветвленность, объемность. Ключевой номинацией константы выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* является внутренней формой константы. Определено, что в толковой академической лексикографии прослеживается совпадение семантических признаков этого слова, отражающих в русском и украинском языках семантику 'общность, связь, близость по крови', 'общность, связь по браку' и 'общность, близость по духу'. Первые два из них являются прямыми, сформированными в архаическое время и в силу этого наиболее мифопоэтически обремененными.

С точки зрения мифопоэтической составляющей константы Родство / Спорідненість одним из ключевых (доминантных) вербализаторов, соотносящихся с древнерусской (восточнославянской) мифологией, является имя-миф (мифема) Род. Его «внутреннюю форму» составляет образная семантика 'единое начало мира', 'близость между Небом и человеком, человеком и природой', в основе которой лежат древние мифологические представления о единосущности бога-Творца мира, природы и человека и которые играют значимую роль в мифологических представлениях о Роде и, соответственно, отражаются во внутренней форме константы. Семантика единого творящего мужского начала, нашедшая выражение не только в лексической семантике слов *род, родитель, прародитель* и пр., но и, в частности, в грамматическом значении мужского рода слова *род*, дополняется во внутренней форме константы семантикой единого вынашивающего, рождающего и кормящего женского начала, значимой для мифологических, архаических представлений о матери-природе.

Христианские представления о Небесных силах и отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром, с их акцентом на личной ответственности и жертвенной любви, в семантику и символику кровного родства и свойства вливают семантику духовного родства и в то же время втягивают в себя и преобразуют (в рамках православной традиции) такие образно-смысловые, мифопоэтические представления, как со-причастность человека и природы небесным силам, возможность преодоления границы между земным и небесным царствами, нерасторжимость духовной связи между предками и потомками рода (шире – народа). Личные отношения между Богом и человеком, личная ответственность за свою жизнь (физическую, социальную, духовную) в православном вероучении встают над коллективной ответственностью рода.

Проведенный анализ русских и украинских фразеологизмов и поговорок, соотносимых с константой Родство / Спорідненість, показал, что семантический центр содержания константы в ее фразеопоговорочном бытовании составляют значения, выделяемые по параметру наиболее широкого охвата фразеопоговорочного фонда: ‘жизнь’ ({[семья] ← /завязь, плод, корни/ → [дерево]}): *Дерево держится корнями, а человек семьей; Ані роду, ані плоду, ані зав'язі – ні за що й зачепитися*; ‘порядок’, ‘согласие’ ({[семья] ← /богатство/ → [согласие]}): *Согласие в семье – богатство*), ‘защита’ ({[род, семья / рід, родина] → [защита]}): *Немов верета на шляху: без роду, без племені, без захисту*); ‘дом’: ({[семья] → [дом]}): *Когда нет семьи, так и дома нет*. Выделенные значения тесно связаны с образами, так или иначе восходящими к мифопоэтическому ядру константы – в частности, к представлениям о Мировом древе и сказочных его обработках, в которых Мировой древо вписано в пространство дома (семьи).

В периферийную же зону этого содержания входит большой семантический комплекс, включая следующие (наиболее актуализованные) значения: ‘(генетическая) наследственность’, ‘(психологическое и физиологическое) сходство’, ‘опора’, ‘счастье’, ‘(Божья) правда / воля /

помощь', 'сочувствие', 'доброта', 'любовь', 'забота', 'уважение (к родителям)', '(родовая) судьба', '(родовая) ответственность', 'труд, работа', 'ум, разум'.

Во фразеопаремийном фонде русской и украинской лингвокультур наиболее представлена концептуализация ключевых названий родства – *мать / матери, отец / батько, дети / діти, сын / син, дочь / дочка, брат / брат, сестра / сестра*. В то же время отмечается наличие весомой части фразеологизмов, в которых концептуализируются отношения: *муж / чоловік – жена / жінка; мать / матери – сын / син, дочь / дочка; отец / батько – сын / син, дочь / дочка; брат / брат – сестра / сестра; дед / дід – баба / баба; отец-мать – зять / невестка / невістка*.

Отражая иерархию структурно-семантических языковых и ментально-языковых связей через конкретные микроконтексты со связанным лексико-грамматическим значением, фразеопаремии тяготеют к таким глобальным концептуальным оппозициям, как «свой – чужой», «добро – зло», «правда – неправда», «богатство – бедность», «радость – горе», «умный – глупый», «счастье – несчастье», «молодой – старый», например: *Свою жену береги, на чужую не заглядывайся; Своя жінка – віршовка на шию, а чужа – на втіху молоденьку; Старого мужа соломкой прикрою, молодого сама отогрею // Старого чоловіка соломкою накрию, а молодого сама нагрію* и др..

В целом выделенные из фразеопаремийного фонда литературных языков вербализаторы константы Родство / Спорідненість характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, отражают народную концептуализацию родовых и семейных устоев, ценностных установок и сценариев взаимодействия в семье, а также реализуют мифопоэтическую составляющую, связанную с архаическими представлениями о боге Роде, Судьбе, Древе жизни. Особое место в ряду паремийных текстов, вербализующих эту константу, принадлежит паремиям с центральными номинациями *дед / дід* и *баба / баба* ({[баба, бабушка ↔ [защита] ↔ Род}): *Была б моя бабуся, никого не боюся, бабушка – щиток, кулак – молоток // Поки жива бабуся, я нікого не боюся*; концептуальная пара {[дед] ↔ [жизнь рода]}:

Який дід, такий його плід). В них широко воплощается ряд архаических мифопоэтических представлений о роде и сакральных силах Рода, о счастье-удаче и жизненной энергии Мирового древа.

В третьей главе «Содержание константы Родство / Спорідненість в народно-песенной культуре» рассматриваются особенности использования НР в народно-песенных текстах разных жанров, их функционально-стилистическая нагрузка; выявляются особенности структуры и содержания константы Родство / Спорідненість в них; отмечается эстетизация мифопоэтического компонента, неотделимость оценочности от информационно-понятийного компонента, прослеживаются варианты эстетической обработки мифопоэтических образов.

Использование НР в народно-песенных текстах разных жанров и происхождения организовано по общим законам поэтики: они включены в ассоциативно-образные связи, метафорические механизмы сопоставления и синтеза, формируемые на их основе символические структуры. Варианты содержания константы Родство / Спорідненість существенно различаются в разных жанрах песен; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является выделение в качестве центрального ее компонента значения 'семья'.

Наиболее значимыми в содержании константы Родство / Спорідненість в ее народно-лирическом бытовании является семантический комплекс 'любовь', 'свой, родной', 'семья', 'надежный', 'близкий', 'понятный': **{[род-семья] ↔ [любовь] ↔ [дети]}** (*Уж взять ли не взятии Вам по любви, / По батюшкиному Хлебу-соли, / По матушкиному Благословенью, / По сестрицыному Повеленью, / По братилкиному Приказанью*). К периферийному содержанию константы в этом песенном пространстве можно отнести семантические компоненты 'счастье', 'радость', 'судьба', 'чужой', 'чужбина', 'страх', 'печаль', 'страдание', 'боль', 'долг'.

Фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий являются средствами интимизации чувств членов

семьи: *Над озером верба, / Над вербою камень, / На камушке девка / Горчехонько плачет: / «Отдал меня батька / В турецкую землю, / В немецкую веру / А я, молоденька, / Ничего не умею – / Ни прясть, ни ткати, / А только умею / Раненько вставати / Косу заплетати»*. Они, как и прием психологического параллелизма, преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

Содержание константы Родство / Спорідненість в ее обрядово-песенном бытовании имеет единую структуру, в центре которой находятся семантический комплекс 'семья', 'полнота', 'счастье', 'жизнь', 'добро (материальное, физическое благо)', 'любовь'; в периферийной же области – множество связанных с ними смысловых компонентов разной направленности, включая 'благословлять', 'дом', 'сад', 'радость', 'женитьба / замужество', 'порядок', 'уважение', 'печаль (тоска)'.

Наполнение константы в разных видах календарно-обрядовых песен отличает образная составляющая. Так, песенные тексты зимнего цикла (колядки, щедровки), нацеленные на пожелание (заклинание) благополучия в новом году, опираются на изображение идеальной семейной жизни, состоящей в единстве духовного (семы 'единство', 'полнота', '(взаимная) поддержка') и материального (семы 'здоровье', (материальное) 'счастье') благополучия: *Сам з собою, з вітцем, з маткою, / З вітцем, з маткою, дім з челядкою. / Здоровля в той дім на челядоньку, / Щастенька на двір, на худобоньку*, а в весеннем песенном цикле образ матери олицетворяет источник жизни (концептуальная цепочка {[жизнь] = [мать] → /благословлять/ → [весна] → [жизнь]}).

Большое разнообразие функций и дискурсивных ситуаций с НР-фольклорами сохранилось в семейно-обрядовых песнях, связанных со сватаньем, благословением, обручением, свадьбой. В целом они определяют следующие особенности содержания константы Родство / Спорідненість: в центре ее структуры – оппозиция 'своя, родная (семья) – новая, малознакомая (семья)'. С этой оппозицией связаны все наиболее значимые семантические компоненты, входящие в центральную часть структуры: 'послушание',

‘уважение’, ‘родной’ (и ‘неродной’), ‘род-племя’, ‘дом’; соотнесены с ней и значения менее частотные, составляющие периферийное содержание этого варианта константы: ‘поддержка’, ‘радость’, ‘печаль’, ‘слезы’, ‘труд’, ‘верная (жена)’: *Как чужого отца-мать буду как называть? / Как чужого отца-мать буду как называть? / Назову ль я свекра батюшкой, свекровь матушкой / А чужого дитя назову ли я по имени и по отчеству? ([чужой] → [новая семья] → [дочь])*.

В семейно-обрядовых текстах члены семьи ассоциативно сближаются с орнитонимами, наименованиями небесно-природных явлений. Этот способ привнесения высокой образности, сопряженной с выраженной положительной оценкой, обусловлен мифопоэтическим сознанием, связующим птиц с небесным царством, с будущим: *Да тут не паванька плавала, / Да не пава перья ронила, / Да тут сестра брату жалилась, / Брату милому, любимому; Ой вербо, вербо зелена, / Спусти гіллячко додолю, / Де соловейко гнізде в'є, / А сивая зозуля воркує. / То не соловейко – свекорко, / Не сива зозуля – свекруха.*

В социально маркированном народно-песенном пространстве НР-фольклоремы активны направленно: как средства интимизации и эстетизации социальных отношений и социальных явлений, в контексте оценочной и смысловой концептуализации мира бурлаками, солдатами, чумаками, крепостными крестьянами. В центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість, соответственно, находится комплекс значений, восходящих к ощущению оторванности от семьи, одиночества, сиротства: ‘дом’, ‘отец-мать’, ‘одинокий’, ‘без / вне семьи’, ‘без / вне помощи’, ‘чужая (сторона)’, ‘плохая доля’, ‘неволя’, ‘прощанье – встреча’. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в периферийных значениях, хотя их оценочный компонент не однозначно негативен: ‘слезы’, ‘тоска’, ‘печаль’, ‘сила’, ‘помощь’, ‘совет’, ‘жизнь’, ‘смерть’.

Особое место в украинской социально маркированной песне принадлежит казацким песням, где прослеживаем уподобление мать=Украина,

в которых характерно для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли, которую нужно защищать с оружием в руках, по отношению к своему народу.

В четвертой главе «Функционирование константы Родство / Спорідненість в творчестве А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко» изучается специфика функционирования НР и слов более общего содержания с семантикой родства в художественных произведениях А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. Выявляется ряд сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов; описываются особенности восприятия в их творчестве фольклорной традиции и ее мифопоэтических элементов; определяются основные различия в содержании и структуре константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для расхождения концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.

В результате сравнительного исследования был выявлен ряд сходств в использовании НР и в концептуализации отношений родства в художественной речи двух поэтов, а именно:

– активность употребления всех основных НР в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией. Наиболее употребительные в художественной речи Пушкина НР: *отец, жена, сын, брат, дочь, мать, муж, дети, сестра, семейство* (всего 42 номинации; диапазон: 457 – 106 употреблений); у Шевченко наиболее употребительные НР: *мати, син, діти, дитя, батько, брат* (всего 53 номинации; диапазон: 348 – 116);

– актуальность метафорических употреблений НР – в том числе по отношению к своему поэтическому слову (ср: Пушкин ассоциирует творческие порывы с братьями, сестрами-музами, Шевченко – с детьми (*Но, милый, – музы наши сестры, / Итак, ты все же братец мой* (А.П. «Из письма к Вяземскому»); *Привітаю вас, як діток, / І заплачу з вами* (про думи) (Т. Ш. «Думи мої, думи мої...»)).

При этом анализ функционирования НР и некоторых других доминантных слов, вербализующих константу Родство в художественном творчестве А.С. Пушкина и поэзии Т.Г. Шевченко, выявил и значимые расхождения:

1. У Пушкина метафорические, перифрастические сочетания с НР обнаруживают переход от риторической иносказательности к психологическому символизму. У Шевченко же метафорический перенос выполняет функции интимизации, усиления эмоционально-оценочной нагрузки образа, по сути, он продолжает фольклорную традицию совмещения бытового и мифопоэтического содержания.

2. У Пушкина контекстуальное окружение и сочетаемость НР эксплицируют самые разные стилистические коннотации: архаическую (в том числе церковнославянизмы), связанную с риторической культурой XVIII века; высокую книжную, восходящую (через классицистическую литературу и европейскую культуру XVIII века) к античным источникам; книжно-поэтическую, воспроизводящую романтические штампы или имеющие индивидуально-авторскую стилистическую нагрузку; разговорную, воспроизводящую особенности бытовой дворянской культуры; народно-бытовую (простонародную); народно-поэтическую (фольклорную). У Шевченко нет такого разнообразия стилистических коннотаций в контекстуальном окружении и сочетаемости НР: оно ограничивается проявлениями библейско-христианских, книжно-поэтических (отсылающих к романтическим образам и идеалам) и народно-бытовых (простонародных) коннотаций при абсолютном доминировании народно-поэтических.

3. У Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами. У Шевченко же смещается, подменяется само основание как религиозных христианских, так и фольклорных мифопоэтических представлений. Предельно сакрализуя образ матери,

Шевченко в центр и начало картины мироздания ставит именно его как мифопоэтический образ единого созидającego и питающего начала.

4. У Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства (братства, семейственности), связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения. У Шевченко же в структуре константы Спорідненість центральное место занимает сочетание семантики жертвенной, самозабвенной любви (матери к ребенку, ребенка к матери, девушки к любимому, поэта к своему народу; как основы семейных отношений; как основы отношений между народом и родиной) и семантики сакральной связи между матерью и ребенком, в которой библейски-христианское и фольклорно-мифопоэтическое семантическое содержание сливаются в общую семантику «удвоенной» сакральности (сакральности жизненных, плодоносящих сил рода и сакральности Небесных энергий, Божьей благодати).

Спроецированный на социокультурный мир, сакральный мифопоэтический образ матери у Шевченко воплощается в облике страдающей матери-Украины. К ней устремлена вся жертвенная любовь народа и певца Кобзаря, все же остальные религиозные и мифопоэтические представления и чувствования подчинены этой всеохватной концепции священного материнства.

5. Важное место в структуре константы Родство (как в силу масштабности рецепции в русской культуре, так и в силу особой выразительности и неоднозначности разворачивания в художественной ткани пушкинских произведений) занимают у Пушкина словесно-образные и сюжетно-нарративные структуры, связанные с семантикой верности жены мужу (Татьяна Ларина, «Евгений Онегин») и любви и согласия в супружестве (старик и старуха, «Сказка о рыбаке и рыбке»). В поэтической вербализации константы Спорідненість в творчестве Шевченко сходное место отведено образу крепкой крестьянской семьи: он становится чувственно-конкретным

воплощением образа Украины («Садок вишневий коло хати»), при этом его центром являются детско-материнские отношения. В то же время в поэме «Катерина» (масштабно воздействовавшей на формирование украинской идентичности) воплощен образ семьи, разрушенной столкновением свободолюбивой дочери с жесткими требованиями родителей, живущих ритуально-бытовыми нормами поведения. Над семантикой семейного родства в поэме встает семантика любви как сострадания.

В **Заключении** представлены итоги проведенного исследования, намечены перспективы дальнейшей работы в выбранном направлении. Отмечено, что концептуализация отношений родства входит в число основополагающих факторов формирования и развития национальной культуры. Начальным этапом этой концептуализации является формирование мифопоэтического ядра, включающего в себя имя-миф, мифопоэтический образ и связанные с ними в архаической ритуально-мифологической картине мира представления и сюжеты. Дальнейшее осмысление отношений родства связано с формированием соответствующих образно-чувственных, ритуально-бытовых, разговорно-дискурсивных и сценарно-сюжетных структур в народной культуре (при этом фольклорные и классические литературные тексты играют ключевую роль как интерпретаторы, трансляторы мифа-имени).

Изучение результатов концептуализации родственных отношений в русской и украинской национальных культурах как целостность связанных друг с другом представлений, оценок, образных ассоциаций, восходящих к мифопоэтическому ядру как единому истоку и образному-смысловому стержню, привело к подтверждению гипотезы исследования о центральной роли мифопоэтического ядра в формировании констант как вида ЛК. В работе доказано, что в константе Родство / Спорідненість мифопоэтическая составляющая (то есть мифопоэтическое ядро, связанное с доминантным для константы вербализатором и мифологическим комплексом, формирующим этимологическое значение (внутреннюю форму) этой лексем-вербализатора, а также различные варианты воплощения семантики, образности, сюжетики

этого ядра в дискурсах и текстах культуры) играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его структурных компонентов (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития; в связи с этим она преимущественно развивается в фольклорном и художественном пространствах, осваивающих и развивающих образно-смысловой потенциал ее мифопоэтического ядра, которое определяется этимологией слова род / рід и целым рядом связанных с ней мифологических представлений о взаимодействии и единении мужского и женского начал в человеческой и природной жизни.

Для сопоставительного анализа содержания константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах был разработан лингвомифопоэтический подход, учитывающий особый признак константы – интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, в других художественных текстах национальной культуры, а также специфику ее структуры (выделенность в ней мифопоэтического элемента).

Сущность лингвомифопоэтики, или лингвомифопоэтического подхода к исследованию концептов-констант, состоит в сочетании следующих методов работы с языковым, текстовым, семиотическим материалом:

- метода сравнительной лингвоконцептологии, опирающегося на компонентный (семный) анализ и теорию поля и включающего в себя анализ ассоциативных полей и контекстов слов, вербализующих ЛК;
- метода лингвокультурологической поэтики, сфокусированного на выявлении в художественных текстах способов формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект, на интерпретации совокупности языковых и стилистических особенностей в художественной речи в их тесной связи с культурой народа;
- метода мифопоэтики, изучающего способы воплощения древнего мифа в образах, сюжетах, мотивах, аллюзиях и пр. в художественных произведениях и учитывающего как когнитивно-психологическое своеобразие

мифологического мышления, так и своеобразие мифологической образности и сюжетики, а также полифункциональность отношений фольклора и литературы с мифом.

Сочетание этих методов при доминировании метода сравнительной концептологии позволило разработать лингвомифопоэтическую методику компаративного анализа концепта-константы, включающую в себя пять шагов исследования: 1. номинативного поля константы и доминантных признаков его содержания; 2. мифопоэтического ядра константы; 3. реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах; 4. функционирования константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и реализующих мифопоэтическое содержание константы; 5. комплексного компаративного содержания констант в сопоставляемых национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Применение лингвомифопоэтической методики к исследованию константы Родство / Спорідненість на первом шаге дало следующие результаты:

– было установлено, что ключевой номинацией константы выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* является внутренней формой константы;

– в качестве существенных признаков семантического ядра константы Родство / Спорідненість были определены: а) совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’, б) мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’, в) ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку.

Исследование мифопоэтического ядра константы Родство / Спорідненість на втором шаге позволило сделать выводы о том, что его содержание:

- во многом обусловлено (дохристианскими) мифопоэтическими представлениями о боге Роде и связанных с ним женских божествах;

- в образно-чувственной форме «схватывает» семантику единства и раздельности; взаимосвязи синхронической и диахронической; взаимодействия мужского и женского начал как творящего и питающего;

- (под влиянием христианства) с семантикой и символикой кровного родства и свойства сливает семантику духовного родства и выделяет личные отношения между Богом и человеком, личную ответственность за свою жизнь как значимую не менее, чем коллективная ответственность рода.

Анализ способов вербализации константы Родство / Спорідненість во фразеологизмах и поговорках с доминантными названиями кровного родства на третьем шаге показал, что русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением, в котором сочетаются соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе и отражение архаических мифопоэтических представлений; что семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании составляют значения 'жизнь', 'порядок', 'согласие', 'общность, единство', 'благополучие', 'защита', 'воспитание', 'дом', а в периферийную зону этого содержания входит семантический комплекс, где наиболее актуализованы значения: '(генетическая) наследственность', '(психологическое и физиологическое) сходство', 'опора', 'счастье', '(Божья) правда / воля / помощь', 'сочувствие', 'доброта', 'любовь', 'забота', 'уважение (к родителям)', '(родовая) судьба', '(родовая) ответственность', 'труд, работа', 'ум, разум'.

Положительный оценочный компонент содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании тесно связан с информационным (понятийным); при этом в константе содержатся и негативные информационно-оценочные значения: 'смерть' (родителей), 'корыстолюбие', 'зависть', 'обособленность', 'враждебность', 'безответственность', 'глупость', 'брань', 'битье', 'пьянство'.

На тесную связь константы с архаическими мифопоэтическими представлениями о единстве и взаимосвязи рода и мира указывает частотность

актуализации во фразеопаремийном фонде растительных образов, восходящих к образу Мирового древа.

Наблюдаются незначительные расхождения в актуализации фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах. Так, соотнесенность паремийной картины мира с делением на «своих» и «чужих» более часто встречается в украинской лингвокультуре. Если в украинской паремийной картине мира основной акцент в характеристике отношения матери к детям приходится на телесную, кордоцентричную ментальность (сердце), то в русских пословицах это отношение ассоциировано с ‘душой’ и ‘красотой’. Только русские паремии предлагают сценарий уважительного отношения к чужим сестрам. В то же время только в украинской паремийной картине мира выражено безразличие к внешности невестки, а порой и злоупотребление ее непривлекательностью.

Отражая иерархию структурно-семантических языковых и ментально-языковых связей через конкретные микроконтексты со связанным лексико-грамматическим значением, фразеопаремии тяготеют к таким глобальным концептуальным оппозициям, как «свой – чужой», «добро – зло», «правда – неправда», «богатство – бедность», «радость – горе», «умный – глупый», «счастье – несчастье», «молодой – старый».

Изучение функционирования константы в народно-песенных текстах привело к следующим значимым выводам:

- Особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является выделение в качестве центрального ее компонента значения ‘семья’.

- Наиболее значимыми в содержании константы Родство / Спорідненість в ее народно-лирическом бытовании является семантический комплекс ‘любовь’, ‘свой, родной’, ‘семья’, ‘надежный’, ‘близкий’, ‘понятный’. К периферийному содержанию константы в этом песенном пространстве можно отнести семантические компоненты ‘счастье’, ‘радость’, ‘судьба’, ‘чужой’, ‘чужбина’, ‘страх’, ‘печаль’, ‘страдание’, ‘боль’, ‘долг’.

- Оценочность, как неотъемлемая часть как центральной, так и периферийной составляющих константы, усиливается приемами включения мифопоэтических образов. Фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий являются средствами интимизации чувств членов семьи. Они преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

- В народно-песенной календарно-обрядовой и семейно-обрядовой лирике разнообразное функционирование НР-фольклором (в функции символов, образов, метафор, олицетворений, в приеме психологического параллелизма) – важнейшее жанровое требование, поскольку именно бытовая лингвокультура является средой сохранения и воспроизведения тех или иных обрядовых действий. В целом в этих текстах актуализуются вторичные метафорические номинации родственных отношений.

- Содержание константы Родство / Спорідненість в ее обрядово-песенном бытовании имеет единую структуру. В ее центре – семантический комплекс ‘семья’, ‘полнота’, ‘счастье’, ‘жизнь’, ‘добро’ (материальное благо), ‘любовь’; в периферийной же области – множество связанных с ними смысловых компонентов разной направленности, включая ‘благословлять’, ‘дом’, ‘сад’, ‘радость’, ‘женитьба / замужество’, ‘порядок’, ‘уважение’, ‘печаль (тоска)’. Существенно отличает наполнение константы в разных видах календарно-обрядовых песен только образная составляющая. Большое разнообразие функций и дискурсивных ситуаций с НР-фольклорами сохранилось в семейно-обрядовых песнях, связанных со сватаньем, благословением, свадьбой.

В центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість в социально маркированном народно-песенном пространстве находится комплекс значений, восходящих к мотиву оторванности от семьи, одиночества, сиротства: ‘дом’, ‘отец-мать’, ‘одинокий’, ‘без / вне семьи’, ‘без / вне помощи’, ‘чужая (сторона)’, ‘плохая доля’, ‘неволя’, ‘прощанье – встреча’. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в периферийных значениях, хотя их оценочный

компонент не однозначно негативен: 'слезы', 'тоска', 'печаль', 'сила', 'помощь', 'совет', 'жизнь', 'смерть'.

Особое место в украинской социально маркированной песне принадлежит казацким песням. Содержание константы в них совпадает в понятийном и оценочном аспектах с семантическим наполнением константы в других видах социально маркированных песен. Основное отличие касается образного наполнения актуального слоя константы: значимое место в нем занимает конь как образ-символ помощника, посредника между служивым и его родом, а также образ-символ матери (в значении оберега, защитных сил семьи, рода). Максимально обобщенно образ матери, переживающей за своих сыновей-казаков, воплощается в ассоциативно-образной связи мать=Украина. В этом уподоблении характерное для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли по отношению к своему народу.

В результате сравнительного исследования функционирования НР в художественных произведениях А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко (четвертый шаг) были выявлены сходства и расхождения в ассоциативно-образном употреблении НР в их творчестве; была описана специфика восприятия авторами фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов; были определены расхождения в содержании константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.

Таким образом, было установлено, что русская и украинская концептуализация отношений родства в фольклорной лингвокультуре обнаруживает симметричность общего содержания и функций, расходясь при этом в незначительных деталях понятийной, образной или же ценностной структуры. Более близкой к образно-смысловому содержанию мифопоэтического ядра является реализация константы во фразеологизмах и паремиях. В народно-песенном пространстве языка развивается эстетизация мифопоэтических средств; структура и содержание константы Родство /

Спорідненість здесь имеет специфику, ориентированную на ценность любви и семьи (христианская и одновременно ритуально-бытовая перспектива).

В отличие от фольклорной концептуализации родственных отношений, структура и содержание константы Родство / Спорідненість в художественном пространстве русского и украинского языков – а именно: в творчестве создателей их литературных форм – обнаруживает глубокие сущностные различия. Именно к ним следует возводить расхождение в концептуализации отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время.

В качестве самых значимых из этих различий можно выделить следующие:

1) У Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами, тогда как Шевченко в центр и начало мироздания ставит фигуру матери как единое созидающее и питающее начало Вселенной;

2) У Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства, связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения, тогда как у Шевченко в структуре константы Спорідненість центральное место отведено сочетанию семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком. Спроецированная на социокультурный мир, эта семантика предельно сакрализует и образ страдающей матери-Украины, и отношения между ней и украинским народом.

Как видим, и фольклорное, и художественное бытование константы существенно расширяет комплекс признаков, выделяемых в семантическом ядре константы Родство / Спорідненість на основе лексикографических источников. Более того, в каждом из выделенных пространств бытования национального языка константа приобретает своеобразные очертания как в границах своего семантического центра, так и в облаке периферийных

значений. При этом семантика, а отчасти и образно-смысловые (ценностные, нарративные) структуры мифопоэтического ядра сохраняются (при возможности существенной трансформации) в виде стержневых во всех исследованных вариантах единого концепта-константы. Обнаруживаются они и в компонентах ее семантического ядра.

Дальнейшие исследования могут касаться как перспективы сопоставительного изучения константы Родство в ее функционировании в неисследованных в рамках этой работы дискурсах, так и перспективы сопоставительного изучения других констант на основе предложенного лингвомифопоэтического подхода. Актуальной представляется представляется задача по исследованию народно-поэтической, пушкинской и шевченковской традиций в аспекте концептуализации отношений родства в национальных литературах.

В разделе «**Список литературы**» представлен перечень отечественных и зарубежных научных публикаций, словарей, интернет-источников, иллюстративного материала, которые используются в работе.

В **Приложениях** представлены фразеопаремийные, народно-песенные и литературные контексты, иллюстрирующие концептуальные цепочки, сценарные мотивы и иные способы вербализации константы Родство/Спорідненість.

Основные результаты исследования были изложены в следующих **публикациях**:

Монография

1. Марфина, Ж.В. Лингвокультурный концепт «Родство» в русской языковой картине мира: монография / Ж.В. Марфина. – Луганск: ООО «НПК ПЕРСПЕКТИВА»; Книта, 2023. – 248 с. – 12,6 п. л.

Публикации в рецензируемых научных изданиях ВАК

2. Марфина, Ж.В. Микроконцепт «дети / діти» в русской и украинской паремийных картинах мира / Ж.В. Марфина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 4 (76). – С. 232-240. – 0,96 п. л.

3. Марфина, Ж.В. Репрезентация субконцептов «сын / син», «дочь / дочка» в восточнославянской паремике / Ж.В. Марфина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования: научный журнал. – 2018. – № 2 (19). – С. 63-66. – 0,45 п. л.
4. Марфина, Ж.В. Ценностно-аксиологическая реализация микроконцептов *муж, жена* в украинской и русской паремийных картинах мира / Ж.В. Марфина // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 1 (январь – март). – С. 90-94. – 0,58 п. л.
5. Марфина, Ж.В. Семантика и стилистика названий родства в русском поэтическом субпространстве XIX века (на материале произведений А.С. Пушкина) / Ж.В. Марфина // Восточнославянская филология. – Языкознание.– 2019. – Вып. 8 (34). – С. 79-90. – 0,69 п. л.
6. Марфина, Ж.В. Концептосфера «Человек семейный» в русском и украинском народно-песенном субпространстве: вербализация микроконцептов «сын», «дочь» / Ж.В. Марфина // Восточнославянская филология. – Языкознание.– 2019. – Вып. 9 (35) – С. 90-102. – 0,56 п. л.
7. Марфина, Ж.В. Концептуализация свадебно-обрядового дискурса в русском и украинском песенном фольклоре / Ж.В. Марфина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 3. – С. 15-24. – 0,75 п. л.
8. Марфина, Ж.В. Концептуальная мотивация названия родства в украинском народно-песенном субпространстве / Ж.В. Марфина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42. – № 7. – С. 36-44. – 0,79 п. л.
9. Марфина, Ж.В. Концептуализация общественной мотивации отношений между членами семьи в восточнославянском народно-песенном субпространстве / Ж.В. Марфина // Вестник Луганского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3 (85). – С. 4-10. – 0,51 п. л.
10. Марфина, Ж.В., Шкуран, О.В. Тема родства в русских и тувинских паремиях как отражение традиционных семейных ценностей /

Ж.В. Марфина, О.В. Шкуран // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022. – № 3 (74). – С. 136-153. – 1,14 п. л. (соавт. в равных долях).

11. Марфина, Ж.В. Названия родства в поэтическом словаре А.С. Пушкина / Ж.В. Марфина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2023. – Вып. 4 (64). – С. 133-145. – 0,83 п. л.
12. Марфина, Ж.В. К вопросу о вербализации лингвокультурного концепта «РОДСТВО» в русском народно-песенном субпространстве / Ж.В. Марфина // Когнитивные исследования языка. – 2024. – Вып. 1 (57). – Ч. II. – С. 191-195. – 0,28 п. л.
13. Марфина, Ж.В. Образно-ценностный компонент лингвокультурного концепта «родство» в русской языковой картине мира / Ж.В. Марфина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2024. – Вып. 1 (65). – С. 37-52. – 1 п. л.
14. Марфина, Ж.В. Концептуальные мотивы с компонентом «родство» в русском народно-песенном субпространстве / Ж.В. Марфина // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2024. – Вып. 2 (232). – С. 129-137. – 0,91 п. л.
15. Марфина, Ж.В. К вопросу о вербализации лингвокультурного концепта «родство» в официально-деловом дискурсе / Ж.В. Марфина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (42). – С. 84-88. – 0,57 п. л.
16. Марфина, Ж.В. К вопросу о способах дискурсивного осмысления репрезентантов лингвокультурного концепта «родство» / Ж.В. Марфина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2024. – № 1 (80). – С. 123-130. – 0,58 п. л.
17. Марфина, Ж.В. Архетипы *отец, мать* в восточнославянском народно-песенном субпространстве / Ж.В. Марфина // Вестник Чувашского

государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2024. – №1 (122). – С. 64-72. – 0,78 п. л.

18. Марфина, Ж.В. Вербальные репрезентанты ментального поля родства в современном публицистическом дискурсе / Ж.В. Марфина // Известия Смоленского государственного университета. – 2024. – № 1 (65). – С. 66-79. – 0,99 п. л.

Публикации в других изданиях

19. Марфіна, Ж. «Мати моя, мати, порадице в хаті...» (архетип *мати* в усній народній творчості / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ: Вид. дім Дмитра Бураго, 2011. – Вип. 75. – С.101-106. – 0,22 п. л.
20. Марфіна, Ж. «...Округ земля моя хороша, А на ній – моя рідня» (мотив єднання у воєнній ліриці М. Стельмаха) / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ: Вид. дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 76. – С.172-177. – 0,2 п. л.
21. Марфіна, Ж.В. Архетип «спорідненість» в асоціативно-образній структурі поетичної мови / Ж.В. Марфіна // Лінгвістика: Зб. наук. праць. – Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2013. – № 3(30). – С. 145-152. – 0,65 п. л.
22. Марфіна, Ж.В. Міфопоетика номінації «мати» в поетичній картині світу / Ж.В. Марфіна // Наукові записки: Філолог. науки. – 2013. – Кн.1. – С. 85-88. – 0,41 п. л.
23. Марфіна, Ж.В. Етнолінгвокультурний зміст українських паремій з компонентом 'спорідненість' / Ж.В. Марфіна // Українська мова. – 2014. – № 2(50). – С. 51-60. – 0,69 п. л.
24. Марфіна, Ж. Мотив батьківства в мові поезії Тараса Шевченка / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ: Вид. дім Дмитра Бураго, 2014. – Вип. 80. – С.172-176. – 0,18 п. л.
25. Марфіна, Ж.В. Назви спорідненості як основа міфотворення в мові української поезії ХХ століття / Ж.В. Марфіна // Stylistyka. – 2014. – ХХІІІ. – С. 299-309. – 0,51 п. л.
26. Марфина, Ж.В. Корреляция понятий «код культуры» «лингвокультурный концепт»: дифференционные признаки и системы классификаций /

Ж.В. Марфина // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов.– Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 26. – С. 194-198. – 0,56 п. л.

27. Марфина, Ж.В. Отображение культуры родительских отношений в украинской фразеологической картине мира / Ж.В. Марфина // Слово и фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры: сб. статей к 90-летию профессора А.М. Чепасовой. – Челябинск: ЮУрГГПУ, 2017. – С. 82-89. – 0,37 п. л.
28. Марфина, Ж.В. Миф в составе информационной структуры концепта / Ж.В. Марфина // Problems of modern science: Collection of scientific articles. Fadette editions, Namur, Belgium, 2018. – С. 160-164. – 0,27 п. л.
29. Марфина, Ж.В. История исследования концепта «родство» в отечественном языкознании / Ж.В. Марфина // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – Т. 29. – С. 215-219. – 0,48 п. л.
30. Марфина, Ж.В. Микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко / Ж.В. Марфина // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Т. 30. – С. 220-224. – 0,66 п. л.
31. Марфина, Ж.В., Шкуран, О.В. Представления о жене в русской и украинской культуре (на материале паремий) / Ж.В. Марфина, О.В. Шкуран // Вестник славянских культур: Научный журнал. – 2020. – С. 151-164. – 1,05 п. л. (соавт. в равных долях).
32. Иванов, Е.Е., Марфина, Ж.В., Шкуран, О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения / Е.Е. Иванов, Ж.В. Марфина, О.В. Шкуран // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 1. – С. 47-68. – 1,9 п. л. (соавт. в равных долях).
33. Марфина, Ж.В. Ассоциативный потенциал номинаций родства как основа образов-стереотипов в поэтическом субпространстве / Ж.В. Марфина // Сибирский филологический форум. – 2024. – № 1(26). – С. 13-24. – 0,82 п. л.

Материалы научных конференций

34. Марфина, Ж.В. Тема-мотив батьківства в мові поезії Тараса Шевченка 40-х років XIX / Ж.В. Марфина // Материалы XVI Международного семинара «Тарас Шевченко и его петербургское окружение», 13–17 мая 2014 года / Под ред. Т.Н. Лебединской и А.А. Воловой. – Нежин: ЧП Лысенко Н.М., 2014. – С. 421-426. – 0,28 п. л.
35. Марфина, Ж.В., Санченко, Е.Н. Номинации родства в украинском и английском языках: лингвокультурологический аспект / Ж.В. Марфина, Е.Н. Санченко // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. тр. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. – Вып. 33. – С. 272-278. – 0,24 п. л. (соавт. в равных долях).
36. Марфіна, Ж.В. Контекстуальна асоціативність як узагальнення текстових асоціацій (на матеріалі поетичного слововживання назв спорідненості) / Ж.В. Марфіна // Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – С. 92-97. – 0,32 п. л.
37. Марфина, Ж.В. Лингвокультурема *сестра* в украинском поэтическом дискурсе / Ж.В. Марфина // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: материалы междунар. науч. практ. конф. (г. Кострома, 18 – 23 марта 2016 года). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – С. 126-129. – 0,39 п. л.
38. Марфина, Ж.В. Стереотипы супружества в украинском паремийном фонде / Ж.В. Марфина // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук: сб. науч. Трудов по итогам международной научно-практической конференции (10 марта 2016 г.). – Екатеринбург, 2016. – С. 65-67. – 0,24 п. л.
39. Марфина, Ж.В. Воплощение концептуальной цепочки *мать / матір ↔ Родина / Батьківщина* в русской и украинской поэтических картинах мира / Ж.В. Марфина // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений

Международной научно-практической конференции. Москва, 14 – 15 ноября 2017 г. – М.: РУДН, 2017. – С. 264-269. – 0,2 п. л.

40. Марфина, Ж.В. Лексикон семейно-бытовой повседневности в мифопоэтике Михаила Стельмаха / Ж.В. Марфина // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26 – 28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – С. 308-313. – 0,26 п. л.
41. Марфина, Ж.В. Этнокультурная семантика названий родства в семейно-бытовом поэтическом дискурсе (на материале украинского фольклора) / Ж.В. Марфина // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков: сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченный к ее юбилею – Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – Ч. 2. – С. 83-89. – 0,37 п. л.
42. Марфина, Ж.В. Вербализация стереотипов свойских отношений в русских и украинских поговорках / Ж.В. Марфина // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур: VI Международная научно-практическая конференция (9 – 11 октября 2018 г.): Труды и материалы. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 284-287. – 0,22 п. л.
43. Марфина, Ж. Макроконцепт «род, семья» в русской поговорочной картине мира / Ж.В. Марфина // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона, 2018. – Барселона, 2018. – С. 1302-1309. – 0,48 п. л.
44. Марфіна, Ж.В. Мікроконцепт «материнство» в українській поговорочній картині світу / Ж.В. Марфіна // Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты: материалы

- фразеологического семинара с международным участием (15 февраля 2018 г., г. Луганск). – Луганск: Книта, 2018. – С. 36-40. – 0,22 п. л.
45. Марфина, Ж.В. Названия родства в зеркале русской и украинской лексикографии: история, культура, оценки / Ж.В. Марфина // Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции (10-12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск): в 2 ч., Ч. 1. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. – С. 280-283. – 0,38 п. л.
46. Марфіна, Ж.В. Назви спорідненості як компонент лексичної системи української мови / Ж.В. Марфіна // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сборник научных статей. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 53-58. – 0,46 п. л.
47. Марфина, Ж.В. Номинации кум / кума в восточнославянской паремике / Ж.В. Марфина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. – Тула: ТППО, 2018. – С. 111-115. – 0,26 п. л.
48. Марфина, Ж.В. Вербализация социокультурной семантики в русских паремиях с микроконцептами *отец, мать* / Ж.В. Марфина // Русистика в XXI веке: тенденции и направления. Международная научная конференция. Сборник статей (24-25 октября 2019 г.). – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. – С. 313-318. – 0,51 п. л.
49. Марфина, Ж.В. К проблеме понимания архетипа / Ж.В. Марфина // Дискурс современного социально-гуманитарного знания и образования: Материалы IV научно-практической конференции (г. Луганск, 25-29 марта 2019 г.). – Луганск, 2019. – С. 15-18. – 0,19 п. л.
50. Марфина, Ж.В. Репрезентация макроконцепта «Род, семья» в украинской паремике / Ж.В. Марфина // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24-25 сентября 2020 г.). –

Кострома: Костромской государственной университет, 2020. – С. 92-95. – 0,37 п. л.

51. Марфина, Ж.В. Паремии с семантическим компонентом «родство» в сборнике «Пословицы русского народа» В. Даля / Ж.В. Марфина // Образование Луганщины: теория и практика. – 2022. – №1(26). – С. 2-5. – 0,27 п. л.

52. Марфина, Ж.В. К вопросу о ментальности как лингвистической категории / Ж.В. Марфина // Славистика: новые имена в науке: сб. науч. трудов VII Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных, приуроченной к 150-летию со дня рождения Д.Н. Ушакова и Году педагога и наставника. – Горловка, 2024. – С. 82-87. – 0,25 п. л.